

УДК 342.565.2(470)

*Гулик А. Г.
Gulik A. G.*

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПРАВА КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

HERMENEUTICAL IMPLEMENTATION FEATURES OF LEGAL RULES BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В настоящей статье рассматривается деятельность Конституционного суда РФ по осуществлению толкования Конституции в герменевтическом аспекте. Проводится теоретико-правовой анализ статуса Постановлений Конституционного суда РФ, изучается механизм защиты прав граждан в случае расхождения позиций Конституционного суда РФ и международных судебных учреждений. Делается вывод об особой роли Конституционного суда в герменевтике в юридической науке.

The article is devoted to the Constitutional Court of the Russian Federation practice implementing the interpretation of the Constitution in the hermeneutics. A theoretical and legal analysis of the status of the Constitutional Court Ruling is conducted; the mechanism for defending rights of citizens in the event of a divergence of views between the Constitutional Court of the Russian Federation and international judicial bodies is studied. It is concluded that the Constitutional Court has the special role in hermeneutics and legal science.

Ключевые слова: герменевтика, Конституционный суд РФ, толкование, реализация норм права.

Keywords: hermeneutics, Constitutional Court of the Russian Federation, interpretation, legal rules implementation.

Одним из наиболее актуальных, объединяющих современную юридическую науку и практику, является вопрос объективной, соответствующей законам и принципам естественного права, реализации норм. Ее осуществлению предшествуют такие интеллектуально-юридические процессы, как формирование понимания, интерпретации и толкования норм права, применимых к каждому рассматриваемому случаю. По нашему мнению, совокупность вышеперечисленного, с учетом особых методологических оснований, представляет собой герменевтику в юридической науке. Тем самым, автор настоящей статьи не разделяет известных в настоящее время научных позиций по вопросу о сущности герменевтики в юридической науке, к которым относятся, в частности, представления о герменевтике как о методе либо приеме толкования юридических норм или интерпретации правовых явлений, об отдельном методологическом направлении либо о науке, изучающей способы установления смысла норм права. Данная позиция более подробно изложена и обоснована в изданных ранее статьях автора, в частности [2, с. 346–351].

Ввиду того, что стремительно трансформирующиеся современные реалии практического развития права требуют их научного осмыслиения и выработки теоретического обоснования последствий, герменевтика в юридической науке получает все более важное значение – впервые в истории своего развития.

Различные практические проявления герменевтических элементов и особенностей, в частности – конфликтов интерпретаций и их разрешения, наблюдаются во всех отраслях права – как в материальных, так и в процессуальных. Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляет собой изучение особенностей герменевтики в части реализации норм российского права Конституционным судом РФ.

Изначально необходимо отметить высокий статус решений, выносимых Конституционным судом РФ. Как указано в ст. 79 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации», «решение Конституционного суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию. Решение Конституционного суда Российской Федерации, вынесенное по итогам рассмотрения дела, назначенного к слушанию в заседании Конституционного суда Российской Федерации, вступает в силу немедленно после его провозглашения. Постановление Конституционного суда Российской Федерации, принятое в порядке, предусмотренном ст. 47.1 настоящего Федерального конституционного закона, вступает в силу со дня его опубликования . . . Иные решения Конституционного суда Российской Федерации вступают в силу со дня их принятия» [6]. Кроме того, в каждом выносимом Постановлении Конституционного суда РФ указывается, что оно окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами [7]. Обладание столь высокими герменевтическими полномочиями налагает на рассматривающий субъект соответствующие обязанности по проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле и признанию конституционными либо неконституционными нормативно-правовые акты, либо их отдельные положения, которые, непосредственно после вынесения Постановления Конституционным судом, утрачивают свою силу [4, ст. 125]. Таким образом, Конституционный суд РФ в герменевтическом аспекте является непосредственным субъектом толкования, чьи решения подлежат незамедлительной реализации. Более того, среди практиков и теоретиков-конституционалистов широко распространено мнение о том, что поскольку «итоговые решения Конституционного суда Российской Федерации связаны с толкованием Конституции, их юридическая сила превышает силу любого закона, а соответственно, практически равна юридической силе самой конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям» [3, с. 133].

В том случае, когда граждане обращаются в Конституционный суд, рассматривая его в качестве высшей инстанции, обеспечивающей сохранность и соблюдение их конституционных прав и свобод, на стадии вынесения им решения, герменевтический процесс, как правило, успешно завершается выявлением соответствия либо несоответствия оспариваемого нормативно-правового акта, либо его положения Конституции. В данной связи следует согласиться с мнением доктора юридических наук, профессора, начальника Управления международных связей и обобщения практики конституционного контроля Секретариата Конституционного суда РФ С. Л. Сергеевича следующего характера: специфика герменевтики «состоит в очевидном наличии регулятивной составляющей в итоговом акте конституционного судопроизводства, что придает этому акту характеристики нормативного акта. При этом если в случае признания нормативного положения не соответствующим Конституции РФ мы сталкиваемся с иллюстрацией деятельности Конституционного суда в качестве «негативного» законодателя, ограничивающегося дисквалификацией нормы . . . , то при конституционно-правовом истолковании происходит фактическая артикуляция новой, судебной нормы» [8, с. 284–285]. Таким образом, герменевтика приобретает свойство цикличности, обеспеченное посредством деятельности Конституционного суда.

Однако, если граждане обращаются за дальнейшей защитой своих прав и свобод в международные учреждения, это может повлечь возникновение новых конфликтов интерпретаций между КС РФ и международными судебными органами ввиду различного социокультурного подхода при установлении пределов действия законов в сфере прав человека.

Важное значение при этом имеет ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные

законом, то применяются правила международного договора. Данная часть Конституции РФ устанавливает юридическую силу норм международного права, одновременно ее ограничива – указанием на применение норм, закрепленных в международных договорах РФ, прошедших многоуровневую процедуру ратификации.

С формально-юридической точки зрения, решения международных судебных учреждений не являются международным договором РФ, в связи с чем, статус решений Европейского суда по Правам Человека, например, долгое время в герменевтическом плане оставался неясным: с одной стороны, общеизвестно, что главной целью создания и функционирования ЕСПЧ является обеспечение соблюдения прав и свобод людей и организаций, закрепленных в Конвенции по защите прав человека и основных свобод, в связи с чем, издаваемые им акты должны трактоваться безусловно и непосредственно, как акты толкования. С другой стороны, как утверждает М. Я. Любченко, «правовые позиции ЕСПЧ по толкованию норм Конвенции, содержащиеся в его ставших окончательными постановлениях, по своей юридической силе наиболее соотносимы с феноменом, получившим название «мягкое право» (soft law)» [5, с. 256]. Содержание последнего термина коррелирует с его буквальным переводом: «мягкое право», т. е. акт рекомендательного характера, которому императивность не свойственна. Неоднозначность герменевтического статуса постановлений ЕСПЧ с теоретической точки зрения на практике повлекло реализацию норм права *ad hoc*, вне рамок устойчивого механизма по их реализации.

Существование длительных конфликтов интерпретаций норм отечественного конституционного и международного (преимущественно – европейского) права привело к тому, что Конституционный суд РФ сформировал герменевтический механизм по разрешению конфликтов интерпретаций, которые могут возникнуть в связи с противоречием решений ЕСПЧ основам конституционного строя РФ. Данная процедура получила правовое закрепление в Постановлении КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой ст. 11, п. 4 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 части четвертой ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [9], в котором предусмотрена возможность неисполнения решений ЕСПЧ в случае, если они основаны на противоречащем Конституции РФ истолковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Представляется, что для герменевтики в отечественной юридической науке данное Постановление обладает важным значением, поскольку устанавливает практический механизм по разрешению конфликтов интерпретаций на наиболее высоком уровне.

Важность достижений герменевтики подтверждается практикой взаимодействия и взаимовлияния национальных судов и международных судебных органов. В частности, Европейский суд по Правам Человека «в деле Отто-Премингер против Австрии, рассуждая о том, что интерпретация и применение конкретной нормы Конвенции возможны в контексте всего ее текста, особо отметил важность интерпретации в гармонии с логикой Конвенции» [1], основанной на всеобщем признании основных нравственных, культурных и социальных ценностей. А это является существенным стимулом для дальнейшей разработки настоящей проблематики.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что Конституционный суд в российской юридической науке и практике является органом, посредством которого образом, наиболее полно сочетающим практичесность и академичность, воплощается механизм установления понимания, толкования и реализации норм права в наиболее полном се-

мантико-юридическом значении. Кроме того, именно в рамках деятельности Конституционного суда РФ на практике осуществляется разрешение одной из основных проблем герменевтики – «конфликта интерпретаций», что, безусловно, является важным в аспекте обоснования взаимосвязи теоретической и практической герменевтики, а также выступает как предпосылка для доктринального развития механизма по разрешению конфликтов интерпретаций и иных герменевтических сложностей.

Литература

1. Гаджиев Х. Взаимодействие Европейского суда по правам человека и конституционных судов (эволюционная интерпретация Конвенции). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2016Najiyev.docx> (дата обращения: 08.02.2018).
2. Гулик А. Г. Преемственность и новизна в концепциях герменевтики в современной отечественной юридической науке // Вестн. Северо-Кавказского Гуманитарного Института. 2017. № 4. С. 346–351.
3. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI в. М. : Норма, 2008. 592 с.
4. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 08.02.2018).
5. Любченко М. Я. Постановления Европейского суда по правам человека как «мягкое право» (soft law) // Вестн. гражданского процесса. 2017. № 3. С. 256–270.
6. О Конституционном суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 14.03.2018).
7. Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», ст. 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Горностаевой от 26.02.2018 г. № 10-П/2018 URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision317550.pdf> (дата обращения: 14.03.2018).
8. Сергеевнин С. Л. Правовая герменевтика в контексте конституционного правосудия // Юридическая герменевтика в XXI веке : моногр. ; под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016.
9. Шувалова М. КС РФ vs. ЕСПЧ, или Как на практике реализуется приоритет Конституции РФ перед решениями Страсбургского суда. Доступ из справ.-прав. системы Гарант.Ру.